

УДК 124

Жиляков Сергей Викторович,
доцент кафедры менеджмента СОФ НИУ «БелГУ»,
к. филол. н.;
(Старый Оскол, Россия)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУБЪЕКТИВНОСТИ ПОЗНАНИЯ

Общеизвестно, самоопределение системы культурной истории, с точки зрения синергетики, - это диахронический процесс организации развития социокультурной структуры, проходящий через попеременную смену периодов стабильности и нестабильности, порядка и беспорядка. Порядок и беспорядок составляют две стороны социокультурного бытия, последовательно перетекающие друг в друга по аналогии с бинарными оппозициями. Такая мифологическая цикличность: порядок-хаос-порядок (и, наоборот), возможно, является только нам в виде феномена организации нашего воспринимающего сознания. Но при рассмотрении эмпирического историко-культурного материала, мы приходим к пониманию, что принцип такого видения динамики культуры - это историческая непреложная неизбежность, универсальная и всеобъемлющая, а не только найденная и выдвинутая мыслителями закономерность и продукт деятельности человеческого рассудка (феномен сознания). Попробуем разобраться в этом хотя бы поверхностно, насколько это представимо в рамках данной статьи.

О том, что хаос сменяет порядок, являясь при этом по необходимости всего лишь переходом от одной четко выстроенной и устоявшейся структуры к другой, только предвосхищающей перестроение на новый лад, писал еще в XVIII веке П.А. Гольбах в работе «Система природы»: «Беспорядок всегда есть лишь переход какого-либо тела или существа к новому порядку, к новому способу существования, необходимо влекущему за собой новый ряд действий или движений, отличных от тех, на которые раньше было способно это тело или существо» [4, с. 105].

Однако, французский материалист, стремившийся все рационализировать и подвести под общую рассудочную доминанту, чье первостепенство объясняемо и выводимо из естественной сущности человека, считал идею беспорядка в материальной природе несостоятельной по причине несоответствия феномена мышления, в котором воплощен этот образ хаоса, с реальным положением дел в бытии, в котором все принципиально детерминировано разумным основанием. А так как человеку свойственно от природы в процессе мышления, по Гольбаху, упорядочивать и уравнивать мир, то глобальные процессы и явления, соответственно сам этот мир представляют собой оформленный по правилу логики порядок, иначе он как «материализованная» причина мышления был бы несостоятелен. В результате, согласно французскому мыслителю, беспорядок - это всего лишь надуманный, кажущийся об-

раз, обусловленный самой материалистической организацией разума, и нигде, кроме него (ноуменальной сферы), не встречающийся. Условием беспорядка является неправильная работа рассудка и сознания.

Кажется, в данном положении кроется закономерность субъективного человеческого восприятия объективной изменчивости бытия, которая априори уже необходимо присутствует в разуме мыслящего. Итак, изначально (до-опытно) структуры мышления организованы сообразно феноменальному восприятию мира, которое экстраполируется вследствие деятельности рассудка в теоретические выкладки [5, с. 139-140], и таковое положение состояния действительности, предстоящей в качестве «ноуменальных технологий» - ставший уже традиционным способ ее освоения. От него не в силах освободиться мыслящему сознанию. Гольбах фактически жестко увязывает формацию мышления и объект мышления, определяемые материальной природой. Если это так, тогда любая форма этого усвоения является хотя и субъективной, но и необходимой. Поэтому, можно сказать, что субъективное феноменальное видение мира проецировано (лучше, наложено) на объективное его существование. И если такое «трансперсоналистское» постижение мира является универсальным правилом для большинства людей, осуществляемым в процессе когнитивных операций под эгидой общественного сознания, то это непременно указывает на существование определенной нормы (или привычки) мыслить так, а не иначе, а сама рекогносцировка имеет полное право на существование и верификацию.

Резюмирующим подтверждением такого подхода к познанию может считаться высказывание философа XX века М. Мерло-Понти: «Все, что я знаю о мире, пусть даже и через науку, я знаю исходя из моего видения или того жизненного опыта, без которого символы науки были бы пустым местом» [6, с. 7].

Познание, имея субъектно-объектную природу, как интенциональная способность нашего сознания обнаруживаться в данной взаимоувязке субъекта и объекта, относительно во времени, и этой релевантностью оно накладывает отпечаток на историю эпистемологических теорий, т.е. на историю того, каким образом формировались универсальные либо релевантные понятия (содержательные формы, концепты) познания. Каждое время ситуативно находит наиболее продуктивные формы воплощения научных концептов, полновесно характеризующих данный исторический период, характеризующийся конкретными вставшими перед ним гносеологическими проблемами, рационально объясняющий их, и оно же имеет свой, присущий только ему, язык для выражения своих теорий и гипотез, воплощенный в понятиях и суждениях, общих для всего человечества [7]. Поэтому каждый исторический период вырабатывает на основе консервативных универсалий (категорий, понятий) свои индивидуализированные формы их реализации. Важно в этом случае, чтобы культивируемые концептуальные выкладки подхватывались и осознавались одновременно путем соглашения всех носителей интеллектуального консорциума (ученых, мыслителей и проч.).

Общность и индивидуализм уживаются в каждом отдельно взятом

понятии, концепте. Все это происходит из-за того, что референты концептов имеют как транс-, так и кокретно- историческую природу. Они кажутся объективными, потому что состоят из синтеза субъектно-объектных интенций (мышление о бытии этих мыслительных форм и собственное бытие их реалий совпадают: по крайней мере, на этой связи настаивал Парменид, Фихте и проч.). У. Оккам ставил данную проблему также во главу угла, объясняя наличие индивидуальных вещей в мире уникальной преобразенной концептуализацией универсалий.

В гуманитарных науках ярким проявлением таких концептов являются жанры. По М. Бахтину, жанры - устойчивые типы высказываний [1, с. 159]. Как номинации, жанры обобщают наименование типических высказываний в рамках аналогичной их рецепции. Индивидуальное проявление жанра зависит от творческого гения художника. Но главное не это.

В жанрах причудливо уживаются и «объекция» (предельное состояние независимости) языка, и стиль высказывания («субъекция»). Объективное и субъективное в жанре живо сплетены: «действительность жанра и действительность, доступная жанру, - органически связаны между собой» [2, с. 312]. Жанры - это и есть, на наш взгляд, предельное выражение «трансубъективной истины» [3, с. 9], истины, «выгодной» всем участникам эпистемологического дискурса, предстоящей как осмысление «понятности» самой мысли, отрефлексированной формосодержательным единством жанрового высказывания.

Таким образом, несмотря на провозглашенное Р. Бартом кредо о смерти автора, можно предположить, что субъективизм, в значительной мере совпадающий с авторской позицией (в широком смысле данного понятия), зависящий напрямую от объекта исследования, познания, оказывается втянутым в более глубокие, сложные и неоднородные эпистемологические сети, которые еще предстоит распутать.

Литература:

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т 5: Работы 1940-х - начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
2. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
3. Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Аст: Аст Москва: Хранитель, 2006. 349 с.
4. Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Т.1. М.: Соцэкгиз, 1963. 715 с.
5. Мамардашвили М. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1997. 320 с.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 608 с.
7. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328 с.